

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РАМОЧНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
РУССКО-МОНГОЛЬСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1912 г.
РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (AUSWÄRTIGES AMT) ГЕРМАНИИ**

© 2023

Удо Б. Баркманн¹

В конце XIX — начале XX вв. в немецкой литературе по азиатским исследованиям не было недостатка в размышлениях о «восточно-азиатском вопросе» [v. Brandt, 1897]. Затем последовало обсуждение «корейского вопроса» и — с некоторой задержкой — «монгольского» и «тибетского» вопросов. За каждым из этих конкретных «вопросов» стояли интересы определенных держав: за «корейским вопросом» — интересы Японии, за «монгольским вопросом» — России, за «тибетским вопросом» — Великобритании. Другими словами, каждый из этих «вопросов» так или иначе влиял на глобальный взгляд на внешнюю политику Германии. Структура интересов держав в Корее, Внешней Монголии и Тибете в целом представляла собой конгломерат не только политико-экономических, но и военных компонентов. В центре внимания «восточно-азиатского вопроса» было, прежде всего, то, как европейские державы, США и, несколько позже, Япония относились к маньчжурско-китайской империи или маньчжурской династии Цин и ее суверенитету и территориальной целостности. «Монгольский» и «тибетский» вопросы также представляли особую опасность для Китая, поскольку в своей заключительной фазе они привели к «таянию» китайского зарубежья, которое играло особенно важную роль в синоцентрической оборонной модели Цинской империи для защиты китайского сердца. (Даже сегодня некоторые геополитики считают, что Китай было бы легче всего «расплавить» с его краев). В данной статье предпринята попытка рассмотреть геополитические рамки Русско-Монгольского соглашения, заключение которого в 1912 г. стало первым шагом к решению «монгольского вопроса» и в то же время заложило основу для последующей независимости и суверенитета Монголии.

Ключевые слова: Монголия, Россия, Русско-Монгольское соглашение 1912 г., «восточно-азиатский вопрос», «монгольский вопрос», геополитика, наблюдения немецкого министерства иностранных дел, интересы Германии

Для цитирования: Баркманн У. Б. Геополитические рамочные условия для заключения Русско-Монгольского соглашения 1912 г. Реконструкция на основе документов Министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt) Германии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 99–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-099-115

¹ Удо Б. Баркманн, доктор, профессор, монголовед, Берлин; ubbarkmann@gmx.de
Udo B. Barkmann, Prof. Dr., Mongolist, Berlin; ubbarkmann@gmx.de

GEOPOLITICAL FRAMEWORK CONDITIONS FOR THE CONCLUSION OF THE RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT OF 1912. RECONSTRUCTION BASED ON DOCUMENTS OF THE GERMAN FOREIGN OFFICE

Udo B. Barkmann

At the end of the 19th and the beginning of the 20th century, there was no lack of reflection on the «East Asian question» in German literature on Asian studies. This was followed by the discussion of the «Korean question» and — somewhat delayed — that of the «Mongolian» and the «Tibetan question». Behind each of these concrete «questions» were the interests of certain powers: behind the «Korean question» the interests of Japan, behind the «Mongolian question» those of Russia and behind the «Tibetan question» those of Great Britain. In other words, each of these «questions» also affected the global view of German foreign policy in some way. The structure of the interests of the powers in Korea, Outer Mongolia and Tibet generally showed a conglomerate of political-economic but also military components. The focus of the «East Asian question» was primarily on how the European powers, the USA and, somewhat later, Japan dealt with the Manchurian Chinese Empire or the Manchurian Qing Dynasty and its sovereignty and territorial integrity. The «Mongolian» and «Tibetan questions» also posed particular dangers for China, since in their final phase they led to a «melting away» of the Chinese foreign countries, which played a particularly important role in the Sinocentric defence model of the Qing Empire for the protection of the Chinese heartland. (Even today, some geopoliticians believe that China would be easiest to «melt down» from its edges). This article attempts to examine the geopolitical framework of the Russo-Mongolian Agreement, the conclusion of which in 1912 represented a first step towards resolving the «Mongolian question» and at the same time laid the foundation for Mongolia's later independence and sovereignty.

Keywords: Mongolia, Russia, Russo-Mongolian Agreement of the Year 1912, «East-Asian Question», «Mongolian Question», Geopolitics, Observations of the German Foreign Office, Interests of Germany

For citation: Barkmann U. B. Geopolitical Framework Conditions for the Conclusion of the Russo-Mongolian Agreement of 1912. Reconstruction Based on Documents of the German Foreign Office. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. 1. Pp. 99–115. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-099-115

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО ВОПРОСА»

Венский конгресс создал систему «Европейского концерта держав» в 1814/1815 гг. Этот «европейский концерт» в основном выполнял функцию многополярной системы международных отношений. Великие державы того времени — Англия, Франция, Австрия, Россия и Пруссия — гарантировали «мир в Европе, а значит, и во всем мире» [Нобе, Kimminich, 2004, р. 40]. Как им это удалось? Они договорились поддерживать «баланс сил» или статус-кво, несмотря на существовавшее между ними соперничество. Как было сохранено то или это? «Баланс» поддерживался путем «компенсации каждого увеличения мощи одной великой державы соответствующим увеличением мощи всех остальных великих держав» [Нобе, Kimminich, 2004, р. 40]. Однако «предпосылкой для функционирования этой компенсационной игры» было «существование географических и властно-политических пространств за пределами Европы» [Нобе, Kimminich, 2004, р. 40]. Поскольку Индийский субконтинент уже был сферой влияния и интересов Англии (Великобритания была единственной «сверхдержавой» в понимании того времени), интересы экспансии держав автоматически сосредоточились на Китае, которым правила маньчжурская династия Цин. В пользу этого говорит не только размер и богатство Китая, но и то, что Китай является огромным рынком сбыта.

Мировая и военно-морская держава Великобритания силой заставила частично открыть Китай в 1-й Опиумной войне (1839–1842) и чуть позже — во 2-й Опиумной войне (1856–1860) вместе с Францией. Немного позже Россия вела Крымскую войну (1853–1856) и, наконец, войну против Османской империи (1877–1878), в которой Константинополь был поддержан европейскими державами против России. В 1871 г. в результате Франко-прусской войны была основана Германская империя. Отто фон Бисмарк зачитал провозглашение прусского короля Вильгельма I императором в Зеркальном зале французского Версальского дворца. На смену Пруссии, бывшей европейской державе, пришла объединенная Германская империя, которая очень скоро сильно выросла в политической и экономической мощи.

Войны России и объединение Германии значительно нарушили европейский баланс сил. Киссинджер даже видел в Германии того времени «доминирующее государство, достаточно сильное, чтобы победить всех своих соседей по отдельности и, возможно, даже все континентальные державы вместе» [Kissinger, 2014, p. 92]. Таким образом, Россия и Германия вышли из «европейского концерта держав». Правила «европейского концерта держав», по сути, больше не действовали.

Это развитие оказало немалое влияние на «восточно-азиатский вопрос». Европейские державы теперь совершенно безудержно концентрировались в Китае на принуждении к свободной торговле, определении сфер интересов, приобретении арендованных территорий и завоевании рынков сбыта [Krause, 1925, p. 272]. Это было четко отражено в «неравноправных договорах», таких как Нанкинский договор (1842) между Великобританией и Цинской империей и Ваньсийский договор (1844) между США и Цинской империей.

Прежде всего Англия, высокоиндустриальная для своего времени, ориентировала свою китайскую политику не только на политические, но и на экономические цели. В 1895 г. лорд Солсбери заявил, что «существует настоятельная необходимость для Англии открыть для себя новые рынки среди полудивилизованных и нецивилизованных народов Земли» [v. Brandt, 1897, p. 283]. Британская промышленность нуждалась в этих рынках из-за значительного перепроизводства. Кроме того, европейские банки искали дешевые, выгодные возможности для инвестирования своего капитала, для чего Китай казался особенно подходящим в силу своих географических и демографических размеров. Некоторые английские газеты того времени даже призывали к установлению британского протектората над Китаем. То есть результаты промышленной революции и капиталистического развития в Англии также энергично брали свое. Движущие силы, присущие капиталистической системе в принципе и в перспективе, фактически поставили под вопрос любую форму «баланса сил».

КЛАССИЧЕСКОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВИЛАХ ПОРЯДОК ДОМИНИРУЮЩЕГО ЗАПАДА

С проникновением крупных европейских держав в Восточную Азию возникла необходимость в обязательном регулировании двусторонних и многосторонних отношений, например, с Цинской империей, в соответствии с едиными стандартами. В международных отношениях державы составляли соответствующие договоры на основе принципов классического международного права. Это классическое международное право было разработано европейскими державами, которые имели политическую и идеологическую общность между собой, в ходе длительного процесса (Вестфальский мир 1648 г., Утрехтский договор 1713 г., принцип баланса сил, Венский конгресс 1814/15 гг., система конгрессов, Священный союз, Гаагские мирные

конференции 1899 и 1907 гг.). Поскольку до этого в Восточной Азии не существовало даже зачатков свода международного права, классическое европейское международное право автоматически стало основой для переговоров о заключении договоров. Это означало, что, например, цинское правительство должно было ознакомиться с принципами этого международного права, а также признать их. В этом отношении «Elements of International Law» Генри Уитона (Henry Wheaton) и «Das moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt» Й. К. Блунчли (J. C. Bluntschli) сыграли выдающуюся роль как наиболее важные книги по «современному» международному праву в то время. Они были переведены на китайский язык в 1865 и 1880 гг. соответственно, а позже на японский и монгольский.

В основе международного права лежит принцип суверенного равенства государств. Это было необходимо, поскольку государство может заключить договор или соглашение только с тем государством, которое оно признает в качестве юридического лица в соответствии с международным правом. Тем не менее в юридической практике европейские державы считали себя более равными, чем, например, Цинская империя, поэтому практически любой договор, заключенный с позиции их власти и силы, мог появиться только как неравный договор. Так же европейские державы (+ США + Япония) в конечном счете решали вопрос и о степени суверенитета, например, Китая или других партнеров по договору.

«ПРИНЦИП ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

В то время как фактические экономические намерения европейских держав были более или менее направлены против суверенитета и территориальной целостности Китая², США провозгласили совершенно новый политический подход в 1899 и 1900 гг. с «принципом открытых дверей», который они сохраняли в качестве основы своей внешней политики до 1945 г. Китайско-японская война (1894–1895) привела к серьезному соперничеству между державами за сферы влияния в Китае. США опасались за восприятие своих экономических интересов в Китае из-за возможной монополизации торговых или инвестиционных привилегий уже присутствующими там державами. Разделение Китая на колонии стало мыслимым и лишило бы США экономического доступа к китайскому рынку. Поэтому государственный секретарь США Джон Хэй (John Hay) в 1899 г. обратился к державам, «претендующим на сферы интересов и влияния» в Китае, с требованием:

- 1) чтобы они «никоим образом не мешали любому договорному порту или законному интересу» в рамках любой так называемой «сферы интересов или арендованной территории»;
- 2) что «китайский контрактный тариф применяется ко всем товарам..., выгруженным или отгруженным в портах указанной «сферы интересов»»;
- 3) что к странам будет одинаковое отношение в вопросах портовых и железнодорожных сборов и транзитных перевозок, проходящих через сферы интересов и влияния³.

В своем циркуляре от 3 июля 1900 г. государственный секретарь США потребовал, среди прочего, (1) сохранения территориальной и административной целостности Китая; (2) защиты всех прав, гарантированных дружественным державам договорами и международным правом; (3) обеспечения принципа равной и беспристрастной торговли со всеми частями Китайской

² В соответствующих современных документах всегда говорится о «Китае». Правящая династия маньчжуров почти не упоминается. Поэтому в данной работе «Китай» упоминается чаще в соответствии с употреблением в документах.

³ <https://courses.knox.edu/hist245/opendoortext.html> (дата обращения: 12.12.2022).

империи⁴. Правительства Великобритании, Германии, Франции, Японии и Италии на словах согласились с политикой «открытых дверей», но лишь наполовину. Россия, с другой стороны, дала ответ, но без четкого одобрения. Она и Япония вскоре продолжили свою почти традиционную политику в Восточной Азии по определению сфер влияния и косвенной и прямой аннексии соответственно.

«ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИЙ ВОПРОС» И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Однако мировая политика также должна была оказать определенное влияние на «восточно-азиатский вопрос». Поскольку морская держава Великобритания оценивала континентальную державу Россию как «самого опасного противника британского мирового господства» [Krause, II, 1925, p. 274] (вспоминается сегодняшняя ситуация), Лондон поощрял Японию союзом для ведения войны против России в 1902 г. Стратегический расчет Лондона состоял в том, чтобы таким образом побудить Россию связать свой военный потенциал не в Европе, а на Дальнем Востоке. (Это также, вероятно, является намерением некоторых сторон сегодня ослабить третью сторону). Россия окончательно вступила в войну с Японией. Она потеряла большую часть своего флота при Цусиме и потерпела поражение. Портсмутский мир был заключен между Россией и Японией в 1905 г. Великобритания, таким образом, оказалась в состоянии значительно сократить присутствие своего флота на Дальнем Востоке и усилить его в европейских морях.

В результате Россия нанесла долговременный ущерб своему имиджу великой державы среди китайской элиты⁵. Растущее национальное самосознание и шовинизм, направленный против иностранных держав, все больше определяли политику цинского правительства. Как видно из документов российского МИДа, эти тенденции в сочетании с «новой политикой Цин» (китайская колонизация, большая административная интеграция Маньчжурии, Внешней Монголии и Тибета) значительно усложняли внешнюю политику России. Тем более что Россия, будучи в то же время европейской державой, не могла позволить себе слишком глубоко вовлекаться в «восточно-азиатские дела» ввиду проблем, нарастающих в Европе.

Интересы великих держав в Восточной Азии начали поляризоваться. С одной стороны были Великобритания, Россия, Франция и Япония, с другой — США, Германия и Китай. Россия и Великобритания не только вновь нормализовали свои отношения — в 1907 г. Россия присоединилась к британско-французской Антанте, которая в итоге превратилась в «тройственную Антанту», более или менее направленную против Германии. Также в 1907 г. Россия и Великобритания достигли взаимопонимания по «тибетскому вопросу». В конвенции они гарантировали Тибету территориальную целостность, но под созеренитетом Китая [British and Foreign States Papers, 1906–1907, p. 558–559]. Таким образом, обе стороны положили конец «большой игре», которая велась между ними в Центральной Азии на протяжении многих лет.

⁴ Open Door policy United States–China (1899–1900), in <https://www.britannica.com/event/Open-Door-Policy> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ Ссылки на потерю престижа России после Русско-японской войны можно неоднократно встретить в дипломатических документах. Например, немецкий посол в Петербурге сообщал в начале апреля 1911 г.: «Перед истечением срока ультиматума я имел возможность поговорить с господином Столыпиным, который во время болезни господина Сазонова сам занимался внешней политикой... Премьер-министр, кроме того, говорил о поведении России в отношении Китая в том смысле, что в интересах престижа России в Восточной Азии срочно потребовалась четкая формулировка со стороны российского правительства. Со времен Русско-японской войны китайцы считали Россию настолько слабой, что думали, будто ей все сойдет с рук. Такому положению дел нужно было положить конец» [Die Große Politik..., 1926, p. 220].

Россия и Япония также вновь сблизились. В 1907 г. обе стороны заключили общеполитическое соглашение, в котором официально признали «независимость и территориальную целостность Китайской империи» и «принцип открытых дверей», но в сопутствующем секретном соглашении они также определили сферы влияния в Маньчжурии. В нем Япония признала Внешнюю Монголию сферой интересов России. В соглашении 1910 г. обе стороны сосредоточились на своих интересах в Маньчжурии [Barkmann, 1999, p. 85–86]. Они обязались поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии, «как он вытекает из всех договоров, конвенций и соглашений, заключенных между Россией и Японией» [Krause, 1925, p. 272]. Больше не было разговоров о «независимости и территориальной целостности Китайской империи» и «принципе открытых дверей». Синолог Краузе, который был ближе по времени к событиям, безусловно, оказался прав, описывая этот союз как «оборонительный союз, который в любой момент может превратиться в защитный» [Krause, 1925, p. 276]. По его мнению, было особенно важно, чтобы обе стороны больше не были «взаимно связаны существующим между ними напряжением» и чтобы каждая из них могла теперь обратиться к другим целям, «не ожидая в этом препятствий со стороны другой стороны» [Krause, 1925, p. 276]. Таким образом, увеличение готовности к аннексии в российской и японской внешней политике было почти ожидаемым.

Россия и «МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС»

Правительства России и империи Цин в 1860 г. заключили Пекинский договор, который предоставлял России право держать консульство в «столице» Внешней Монголии Их-хурэ (известной в России как Урга) и регулировал русско-китайскую торговлю в направлении Кяхта — Пекин — Кяхта. Россия открыла свое консульство в Их-хурэ в 1872 г. После заключения Санкт-Петербургского договора в 1881 г. Внешняя Монголия оказалась в поле зрения российских торговых интересов. Договор теперь предоставлял России право учредить консульства в Урге, а также в Кобдо и Улясутае «по мере развития торговли и по согласованию с цинским правительством» [Русско-Китайские отношения, 1958, с. 57]. Среди прав, предоставленных российским подданным и юридическим лицам в Монголии, были свобода от таможенных пошлин в самом широком географическом смысле и право возводить здания и т. д. на местах российских консульств и в городе Калган на приобретенной ими земле. Теперь русским купцам разрешалось перевозить свои товары по суше через Калган в порт Тяньцзинь [Русско-Китайские отношения, 1958, с. 54–60]. По меркам того времени, империи Цин пришлось пойти на значительные уступки России — европейской державе. Но Россия едва ли была способна наполнить жизнью вновь приобретенные привилегии. Экономический потенциал Сибири был просто недостаточен.

Но со строительством Транссибирской магистрали российский военный интерес к Внешней Монголии заметно вырос. Вопрос заключался в том, как обеспечить безопасность Сибири и Транссибирской магистрали в условиях усиления военной активности Китая в регионе. Однако с середины XVIII в. русские военные хорошо знали о стремлении монголов к свободе и их частичном сопротивлении цинскому правительству. Этот факт, казалось, предлагал варианты, позволяющие подумать об использовании Внешней Монголии в качестве буфера против Китая в концепции обороны Сибири. Поэтому военные требовали от российской внешней политики более активного участия во Внешней Монголии. Но лица, ответственные за внешнюю политику, смотрели сбалансировано на Европу и Азию и пока не придавали Внешней Монголии большого значения в рамках этого аспекта буферной функции.

Российское правительство поручило своему дипломату Д. Д. Покотилову, назначенному 14 апреля 1905 г. посланником в Пекине, следить прежде всего за положением Японии в Китае. Кроме того, он должен был повлиять на цинское правительство, чтобы оно разрешило Далай-ламе вернуться в Ахасу и восстановило его в прежнем звании, а также заверить Далай-ламу в «неизменной доброй воле России, которая всегда будет готова помочь ему» [Хохлов, 2011, с. 36–54]. Покотилов проехал через Восточную Сибирь из Кяхты в Ургу и, наконец, в Пекин. В Урге он имел продолжительную беседу с Далай-ламой и лично вручил ему царские подарки. Конкретные указания российского правительства относительно Внешней Монголии отследить не удалось.

В случае И. Я. Коростовца, сменившего Д. Д. Покотилова в Пекине в 1908 г., ситуация была иной. В инструкциях, данных ему его правительством, говорилось о том, чтобы «не отождествлять наших интересов с интересами Западной Европы» в Китае, а стремиться «к продолжению нашей политики до 1898 года, то есть действовать миролюбиво и отдельно от других стран» [Хохлов, www.synologia.ru]. В инструкциях подчеркивалась огромная важность установления сфер влияния с Японией для российской внешней политики. Хотя российское правительство подчеркивало, что «отношение наше к Монголии» является «одним из вопросов первостепенной важности», в документе также говорилось, что «настоящий момент должен быть признан в всяком случае неподходящим для ведения в Монголии активной политики» [Хохлов, www.synologia.ru]. Поэтому правительство поручило Коростовцу сосредоточиться на укреплении экономических и культурных отношений с монголами. Оно рекомендовало своему посланнику позаботиться о строительстве школ для монголов, «привлечении молодых монголов в наши училища» и дружеских отношениях с Далай-ламой, который, как говорится в инструкции, «питает особое доверие и расположение к России» [Хохлов, www.synologia.ru].

«Настоящим поворотным пунктом в политике Восточной Азии», как назвал его Франке, стал Русско-Японский договор от 4 июля 1910 г. Через несколько недель император Кореи уступил императору Японии «полностью и навсегда всю полноту своих суверенных прав на всю территорию Кореи» [Franke, 1923, p. 333]. «Корейский вопрос» был решен в пользу Японии.

Министерство иностранных дел (МИД) России почувствовало, что пришло время реализовать собственные амбиции в «монгольском вопросе». Оно поручило своему посланнику в Пекине И. Я. Коростовцу разработать план по оказанию давления на цинское правительство, «чтобы навязать Китаю обязательство не менять статус-кво в Монголии и не предпринимать там военных действий» [v. Siebert, 1921, p. 271]. Министр иностранных дел Сазонов предупредил своих сотрудников, что «весь вопрос... затронет самую суть наших отношений с Китаем» и что исполнение его будет зависеть «от предварительного соглашения с другими державами, главным образом с Англией и Японией» [v. Siebert, 1921, p. 271]. 10 декабря 1910 г. министр иностранных дел Сазонов сообщил своему послу в Токио, «что настал момент потребовать от Японии исполнения обещаний, данных нам по случаю аннексии Кореи» [v. Siebert, 1921, p. 276]. То, что Россия теперь начала интенсивно заниматься «монгольским вопросом», имело веские причины. Китайская торговля угрожала вытеснить российскую торговлю из Внешней Монголии. С другой стороны, рост военной активности Китая в этом регионе больше нельзя было игнорировать. МИД России использовало истечение срока действия продленного на десять лет Санкт-Петербургского договора (1881) как возможность поставить цинскому правительству требования решения «монгольского вопроса». В ноте от 16 февраля 1911 г. Россия обвинила

Китай в нарушении Петербургского договора 1881 г. и выдвинула шесть требований, которые были тесно связаны с Монголией⁶.

Но вскоре Россия оказалась под давлением, чтобы действовать, в результате военного восстания в Ухане 10 октября 1911 г. Владычество Цин разрушалось быстрыми темпами. Последний маньчжурский император Пу-и отрекся от престола 12 февраля 1912 г. За месяц до этого монгольские князья возвели на престол религиозного лидера Халха-Монголии — Джебцзундамба-хутухту как хана Монголии. В сентябре 1912 г. МИД России направило своего дипломата И. Я. Коростовца в Монголию с мандатом на ведение переговоров и заключение договора с новым монгольским правительством. Заключение договора последовало 21 октября (3 ноября по григорианскому календарю) 1912 г. В договоре российское правительство обязалось оказать Монголии помощь в сохранении «установленного ею автономного порядка». В сравнении с необходимостью учитывать интересы других держав и «принципом открытых дверей» это решение казалось прямо-таки соломониным, тем более что в нем еще не было ни слова о суверенитете. В дополнительном протоколе, заключенном в тот же день, Россия установила для себя привилегии, выходящие далеко за рамки положений Петербургского договора 1881 г. С заключением Русско-Монгольского соглашения от 1912 г. завершился первый (и самый важный) этап решения «монгольского вопроса». МИД России добился большего, чем хотел на самом деле, несмотря на то, что он не смог реально оценить реакцию других держав на это решение. России пришлось вновь обратить свое внимание на Европу, которая грозила впасть в непредсказуемый политический кризис. Поэтому было хорошей идеей оставить «монгольский вопрос» на некоторое время в покое, тем более что изначально невозможно было предугадать, как будут развиваться отношения власти в Пекине и Китае.

ДОКЛАДЫ НЕМЕЦКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (AUSWÄRTIGES AMT) ПО «МОНГОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ»

Есть веские причины для того, чтобы рассматривать «монгольский вопрос» на основе документов немецкого МИД. В изучаемый период Германия считалась относительно новым игроком в Китае и в «восточно-азиатском вопросе». Франке пишет: «Германия не обладала ничем, кроме прав, предоставленных ей торговыми и судоходными договорами, ни собственными учреждениями в портах, ни земельными владениями, ни какой-либо базой для использования политических возможностей, более того, в центральном офисе дома не было видно даже твердых планов или руководящих мыслей» [Franke, 1923, p. 27]. Как и США, Германия находилась в Китае прежде всего в поисках рынков сбыта для своей торговли и промышленности. Поэтому Германия неоднократно подчеркивала, что преследует в первую очередь экономические интересы и поэтому поддерживает «принцип открытых дверей» в Китае. Поскольку Германия, как и США, выступала за сохранение территориальной и административной целостности Китая, она поддерживала благожелательные отношения как с цинским правительством, так и позднее с правительством Юань Шикая. В этом отношении она имела нейтральный, реалистичный и в то же время довольно спокойный взгляд стороннего наблюдателя на события в Восточной Азии или в Китае.

Знания МИД о «восточно-азиатском вопросе», в который был встроен «монгольский вопрос», похоже, питались в основном двумя компонентами:

⁶ Российские требования были следующими: собственный таможенный тариф; российские подданные находятся в Монголии под юрисдикцией России, имеют право свободно жить, путешествовать и торговать там, а также покупать землю в местах расположения российских консульств; России разрешено иметь консульство в Кобдо в дополнение к существующим консульствам; российские консульства признаются цинской администрацией, и отношение к ним соответствующее [Franke, 1923, p. 342].

1. Отчетность дипломатических миссий в Токио, Пекине, Лондоне, Петербурге и Вашингтоне. Многие важные документы по «монгольскому вопросу» были опубликованы в 1926 г. в сборнике документов «Большая политика европейских кабинетов» [Die Große Politik..., 1926]. Многие другие документы по сей день остаются неразобранными в архивах МИД.

2. Получение секретной информации из России незаконным путем. Например, в период с марта 1909 г. по июль 1914 г. МИД получил от 2-го секретаря императорского российского посольства в Лондоне Бенно А. фон Зиберта примерно пять-шесть тысяч секретных документов, которые дали МИД глубокое понимание внешней политики России. О важности шпионской деятельности Бенно А. фон Зиберта говорит и тот факт, что в его деятельность были посвящены только рейхсканцлер, а в МИДе — статс-секретарь, заместитель статс-секретаря, начальник политического отдела и русский переводчик [Schröder, 2005, p. 430]. Б. А. фон Зиберт сам опубликовал значительную часть этих документов в двух сборниках в 1920-х гг. по указанию МИДа в Берлине [v. Siebert, 1921]⁷.

МИД и посольства Германии очень внимательно следили за тем, что великие державы делают в Китае. Из одной только политики Великобритании в отношении России, например, можно было сделать важные выводы о балансе сил в Европе. Все, что более интенсивно связывало российскую политику или даже российские ресурсы (военные, экономические и т. д.) с Восточной Азией, возможно, влияло на активность России в Европе.

Посол в Токио и посланник в Пекине предоставляли основную информацию, необходимую для анализа, который обычно адресовался непосредственно имперскому канцлеру. Если в национальной прессе или в беседах с высокопоставленными чиновниками в стране пребывания появлялись соответствующие указания, послы Германии в Лондоне, Санкт-Петербурге и Вашингтоне также сообщали об этом в Берлин. Иногда эти послы получали указания от МИД проверять определенную информацию из Токио и Пекина в принимающих странах косвенным путем. Государственный секретарь МИД подчинялся непосредственно императору или соответствующим чиновникам из императорского окружения. Конечно, два уже упомянутых компонента перетекают друг в друга при анализе ситуации в стране или крупном регионе. Это означает, что реальные знания МИД по «монгольскому вопросу» были отчасти гораздо более глубокими, чем можно предположить, читая отчеты посольств.

Так что же знала Германия о «монгольском вопросе» и как она реагировала на это? Я хотел бы отметить, что, основываясь на фактах, содержащихся в доступных мне подборках документов, я считаю себя в состоянии представить увеличение информации по «монгольскому вопросу» в хронологическом порядке только на данный момент. Интерпретации и оценки следует оставить на потом, после изучения документов, хранящихся в Политическом архиве МИД.

ИНФОРМАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ (AUSWÄRTIGES AMT) ПО «МОНГОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ»

Документы, с которыми я знаком, свидетельствуют о том, что «монгольский вопрос» попал в центр внимания МИД начиная с 1910 г. Причиной этого стало сближение России и Японии в результате заключения договора от 30 июля 1907 г. МИД подозревал, что в этом договоре есть секретные пункты, «по которым, среди прочего, привилегированное положение России

⁷ Не исключено, что фон Зиберт также работал в Берлине в 1920-х гг. с И. Я. Коростовцом, который вел переговоры по Российско-Монгольскому соглашению в 1912 г., и с Владимиром Коростовцом, который работал в российском МИДе секретарем трех министров иностранных дел в 1912–1917 гг.

в Монголии будет признано со стороны Японии»⁸. Сближение России и Японии имело большое значение для восточно-азиатской политики МИД, поскольку существовала вероятность того, что обе державы намеревались ограничить экономическую свободу Германии на китайском рынке.

Рукописные пометки на полях документов показывают, что кайзер Вильгельм II постоянно читал часть отчетов. Таким образом, мы узнаем, что в 1910 г. он все чаще сталкивался с «монгольским вопросом». Например, 24 июня 1910 г. посол в Лондоне доложил о сообщениях в «Дейли телеграф» из Санкт-Петербурга о том, что Россия и Япония вскоре достигнут договорного соглашения о статус-кво в Маньчжурии. На это кайзер Вильгельм II заметил, что «за счет Китая Маньчжурия должна быть отнята у Японии, а (Монголия) у России... Если произойдет столкновение между Америкой и Японией...», — заключил кайзер, — «Россия будет вынуждена выступить на стороне Японии в Азии... иначе она избавится от Владивостока, а также Монголии и Восточной Сибири»⁹. В случае с Маньчжурией и Монголией он подозревал, что Япония и Россия действуют с намерением закрыть Маньчжурию и Монголию для других государств, позволить им отколоться от Китая и избежать «принципа открытых дверей».

Но обеим державам также было необходимо договорное урегулирование с Китаем. Для России особый интерес представляло желание цинского правительства возобновить Петербургский договор 1881 г. Из «документа Зиберта» от июля 1910 г. МИД узнал о российской дилемме: экономический потенциал России недостаточен для того, чтобы воспользоваться преимуществами Петербургского договора. Поэтому обсуждался вопрос о том, как оказать давление на цинское правительство, чтобы заставить его выполнить свои требования, при этом, с российской точки зрения, осторожное применение военных мер было вполне приемлемым.

В середине июля 1910 г. кайзер Вильгельм II еще раз обсудил Русско-Японский договор в кругу своих ближайших советников. В его ближайшем окружении говорили, что император намерен «положить конец территориальным намерениям России и Японии на будущее». Он подчеркнул, что Германия придерживается тех же взглядов, что и США. В протоколе было записано, что император рассматривает «интеграцию Монголии» как нарушение договора по Янцзы и что в таком случае, по его мнению, должны быть затронуты и британские интересы. Через несколько дней рейхсканцлер обратился к Вильгельму II, сообщив ему, что только Маньчжурия является частью договора между Санкт-Петербургом и Токио. Однако участие России на Дальнем Востоке было бы политически единственно правильным, поскольку таким образом Россия «станет пограничным соседом Японии и тем самым создаст для себя серьезные трения в будущем»¹⁰. Подобно тому, как Англия интегрировала Россию с намерениями, направленными против Германии, Германия была заинтересована в том, чтобы Россия связала ее силы на Дальнем Востоке. Строго говоря, это уже были дипломатические игры, которые впоследствии привели к Первой мировой войне.

Из одного «документа Зиберта» от ноября 1910 г. МИД узнал о внутренней стороне заседания Совета Министров России. Россия чувствовала себя в большей безопасности в результате договоров, заключенных с Японией. Опасности со стороны Японии больше не было. Японо-китайский альянс теперь также мог быть окончательно исключен. Пограничных войск

⁸ Nr. 11703, Der Botschafter in Tokio Freiherr Mumm von Schwarzenstein an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 6. Mai 1910, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1926, p. 116.

⁹ Nr. 11704, Der Botschafter in London Graf von Metternich an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 24. Juni 1910, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1926, p. 118.

¹⁰ Nr. 11709, Der Reichskanzler von Bethmann Hollweg, z.Z. in Hohenfinow, an Kaiser Wilhelm II., z.Z. in Bergen, 16. Juli 1910, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 1926, p. 125.

численностью 29 000 человек в Иркутском и Амурском военных округах было достаточно только для борьбы с Китаем. Совет Министров потребовал защитить договорные права России в Китае «всеми силами», а консулам «в случае необходимости применить силу». В протоколе заседания говорится: «Опыт показывает, что Китай уступал каждый раз, когда мы, осознавая свое право, предъявляли ему категорические требования»¹¹. Совет Министров России отказался «отрывать провинцию от Китая», ссылаясь на затраты, международные пути и враждебные настроения среди собственного народа. Эти факторы указывали на то, что России также необходим сложный и многоуровневый подход к Монголии.

Из другого «документа Зиберта» МИД узнал о разговоре между российским послом в Токио и японским министром иностранных дел Комурой в конце 1910 г. Комура посоветовал не преувеличивать давление на цинское правительство. «Сама слабость Китая была опасна», и давление могло толкнуть его «в объятия Америки и Германии», что дало бы им возможность «получить материальные преимущества и выгодную позицию в Пекине»¹².

16 февраля 1911 г. посол в Санкт-Петербурге доложил имперскому канцлеру о встрече с министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым, который конфиденциально представил ему «документ, касающийся разногласий, возникших между Россией и Китаем». (В МИД документ был на французском языке). Согласно документу, Россия требовала, среди прочего, права «налагать таможенные пошлины на торговлю между обеими странами, права экстерриториальности для русских подданных в Китае, особенно в Монголии и западном Китае, права для русских подданных на оседлость, «беспощинную и беспрепятственную монопольную торговлю всякого рода товарами любого происхождения», назначения своих консулов в Кобдо, Хами и Гучен, причем цинское правительство не должно было отказать в согласии. Особенно взрывоопасным было требование предоставить российским подданным в городах, где есть российский консул, право приобретать землю и строить на ней дома. С. Д. Сазонов заявил германскому послу, что Россия намерена провести «небольшую военную демонстрацию» на маньчжурско-китайской границе, если цинская сторона не согласится на российские требования¹³.

Россия немного отступила в своих требованиях. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов передал своим послам в Париже, Лондоне и Токио, что речь идет о признании пекинским правительством прав, гарантированных Петербургским договором, «а именно: права свободной торговли в Китае за Великой стеной и в Монголии, судебной и административной экстерриториальности российских граждан и учреждения наших консульств в Кобдо, Хами и Гучене» [Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911–1914, I, 1924, p. 27].

Вопрос о переписывании Петербургского договора 1881 г. взбудоражил Петербург. 20 февраля 1911 г. немецкий посол в Вене сообщил конфиденциальную информацию от «информатора» (шпиона) о том, что царь ежедневно совещается с военным министром и министром иностранных дел, полагая, что это будет важное решение по «восточно-азиатскому вопросу». С. Д. Сазонов считал, что российские военные сейчас «настроены крайне воинственно по отношению к Восточной Азии, так как, видимо, думают, что там армия получит дешевые лавры»¹⁴.

¹¹ Protokoll einer besonderen Ministerratssitzung in Petersburg vom 19. November/2. Dezember 1910, v. Siebert, 1921, p. 274–275.

¹² Telegramm des russischen Botschafters in Tokio an den russischen Außenminister vom 4./17. Dezember 1910, Nr. 206, v. Siebert, I, 1921, p. 276–277.

¹³ Nr. 11790, Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalès an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, St. Petersburg den 16. Februar 1911, Die Große Politik der Europäischen Kabinette, 32, 1926, c. 214–215.

¹⁴ Nr. 11792, Der Botschafter in Wien von Tschirschky an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 20. Februar 1911, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, p. 216.

С. Д. Сазонов выступал за «некоторые военные меры» на «нашей маньчжурско-китайской границе», но «они не должны принимать таких размеров, которые могли бы увлечь всю нашу армию и совершенно лишить нас европейских задач»¹⁵. Причины были очевидны. С. Д. Сазонов предупредил, что «подобные великодержавные вопросы стоят на повестке дня в Европе»: «...надвигаются такие большие перемены во власти...», — подчеркнул он и отметил, что Россия не должна оставлять Тройственный союз и Тройственную Антанту на произвол судьбы.

МИД России начал наращивать давление, предъявляя ультиматумы цинскому правительству. Но цинское правительство не ответило на первый ультиматум. Премьер-министр П. А. Столыпин, взявший на себя руководство внешней политикой в связи с болезнью С. Д. Сазонова, сказал германскому послу: «Со времени Русско-японской войны китайцы, по-видимому, считали Россию настолько слабой, что думали, будто им все сойдет с рук. Такому положению дел нужно было положить конец»¹⁷.

4 января 1912 г. германский посол в Санкт-Петербурге сообщил о новой встрече с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. По оценке С. Д. Сазонова, монархия в Китае окончательно утрачена. Оба обменялись мнениями об усилиях по обретению независимости Китая. С. Д. Сазонов приехал поговорить о «северных районах Монголии». Он сообщал о просьбах монгольских князей присоединить Монголию или, по крайней мере, ее северные районы к Российской империи. По словам С. Д. Сазонова, Россия всегда отказывала в этих просьбах. Однако недавно новая монгольская делегация прибыла с просьбой к царю, сообщил он. Будь то аннексия в состав Российской империи или подчинение в форме российского протектората — правительство отказалось от этого из-за «беспорядков в Китае», тем более что Россия только получила бы новое финансовое бремя. С. Д. Сазонов заявил: «В интересах России, чтобы Монголия объявила себя независимой и образовала буферное государство между Россией и Китаем»¹⁸. В этом месте на полях документа имеется замечание кайзера Вильгельма II: «Чушь. Придется все-таки взять ее, иначе японцы доберутся до нее!»¹⁹

Согласно одному «документу Зиберта», меморандум министра иностранных дел России от 10 января 1912 г. предполагал, что великие державы ожидали: династия Цин отречется от престола и Юань Шикай возьмет на себя управление страной. Великие державы, казалось, были едины в том, что признание Китая «обусловлено обеспечением прав иностранцев в Китае»²⁰. В этой ситуации Россия сосредоточилась на своих интересах в Маньчжурии и пересмотре Петербургского договора 1881 г. В таком контексте С. Д. Сазонов говорил о «дальнейшем развитии монгольского вопроса с точки зрения дальнейшего существования Монголии как автономного компонента Китайской империи»²¹. Министр иностранных дел увидел необходимость отложить решение «монгольского вопроса», «потому что в этом мы должны учитывать наши политические интересы, которые прямо противоречат принципу сохранения территориальной целостности Китая»²². Как видно из этого и других заявлений, российский МИД был все

¹⁵ Там же, с. 217.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Nr. 11796, Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalés an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 1. April 1911, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 220.

¹⁸ Nr. 11812, Der Botschafter in Petersburg Graf von Pourtalés an den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 4. Januar 1912, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 246.

¹⁹ Там же, с. 246.

²⁰ Memorandum des russischen Außenministers vom 10 (23). Januar 1912, v. Siebert, I, 1921, с. 282.

²¹ Там же, с. 284.

²² Там же.

больше заинтересован в решении «монгольского вопроса» при сохранении «принципа открытых дверей» и, таким образом, уважении суверенитета и территориальной целостности Китая.

Однако МИД России поступил так не потому, что уважал «национальные интересы Китая», а потому, что не хотел вступать в конфликт с другими великими державами из-за него. В этой связи МИД России с большим вниманием следил за каждым шагом Великобритании в ее переговорах с Тибетом, или с цинским правительством по Тибету, или с Китаем и Тибетом.

24 января 1912 г. заместитель статс-секретаря немецкого министерства иностранных дел доложил имперскому канцлеру: «До сих пор все державы воздерживались от вмешательства во внутренние дела Китая, верные своим неоднократным заявлениям уважать суверенитет и целостность Китая и сохранять для всех «открытые двери»... Согласно известиям из известного источника, Россия, между тем, формально желает не трогать маньчжурско-китайский суверенитет в Монголии и даже пойти на то, чтобы монгольская декларация независимости была в порядке вещей»²³. Советник российского посольства в Берлине повторил в разговоре, «что Россия не хочет посягать на суверенитет и целостность Китая и хочет лишь урегулировать экономические вопросы в Монголии в согласии с Пекином, уважая цинские прерогативы»²⁴.

В одном «документе Зиберта» от 1 мая 1912 г. российский посланник в Пекине писал своему министру иностранных дел, что Россия не может ожидать никакого сопротивления со стороны иностранных держав, если предпримет военные действия «в северной Маньчжурии, Монголии и западном Китае». Дипломатический представитель США заявил, «что в его инструкциях не было ничего, что могло бы побудить его помешать нашим действиям в Монголии и Маньчжурии». Британский представитель заверил: «Теперь вы, без сомнения, можете совершенно спокойно работать в Западном Китае и Внешней Монголии...»²⁵

Из одного «документа Зиберта» от 19 июня 1912 г. МИД узнал, что Россия и Япония, в дополнение к секретному пункту договора от 17/30 июля 1907 г., намеревались по-новому определить сферы влияния, разделив Внутреннюю Монголию на две части, западную и восточную от пекинского меридиана. Западная часть должна была стать сферой влияния России, а восточная — Японии.

Информация МИД, доступная мне на данный момент, не указывает на то, что МИД знал о переговорах Коростовца в Монголии. То, что МИД что-то знал, вероятно, не вызывает сомнений и может быть найдено в его архивах. Тот факт, что немецкий «путешественник» Герман Констен работал во Внешней Монголии в 1912 г., тоже не может быть таким уж случайным, потому что он постоянно сталкивался с Коростовцом в Урге²⁶.

11 ноября 1912 г. немецкий посланник в Пекине направил в МИД текст Российско-Монгольского соглашения, опубликованный российским представителем в «Journal de Peking» 9 ноября. Российский посланник подтвердил ему, что Россия также предоставит Внешней Монголии защиту силой оружия в чрезвычайной ситуации.

25 декабря 1912 г. германский поверенный в делах сообщил о беседе с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым по поводу Российско-Монгольского соглашения. В этой беседе

²³ S. 11818, Aufzeichnung des stellvertretenden Staatssekretärs des Auswärtigen Amtes Zimmermann für den Reichskanzler von Bethmann Hollweg, 24. Januar 1912, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 251.

²⁴ Там же.

²⁵ Bericht des russischen Gesandten in Peking an den russischen Außenminister vom 1./14. Mai 1912, v. Siebert, I, 1921, с. 288.

²⁶ В этом контексте я рекомендую прочитать чрезвычайно удачную биографию Дорис Геттинг (Doris Götting, «Etzel» Forscher, Abenteurer und Agent, Die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957), Klaus Schwarz Verlag, Berlin 2012, 617 С.).

поверенному в делах удалось кое-что узнать об истинных мотивах России. Так, С. Д. Сазонов заявил: «Россия ни при каких обстоятельствах не могла бы терпеть активных и беспокойных китайцев в качестве пограничных соседей вместо мирных пастушеских народов Монголии»²⁷. Сазонов отметил, что он будет рассматривать соглашение в основном как возобновление Санкт-Петербургского торгового договора 1881 г. «... Поэтому речь не идет о «протекторате», который монголы действительно хотели бы видеть установленным. Россия не хотела обременять себя новым бременем»²⁸. Затем Сазонов перешел к обсуждению ранее не публиковавшегося дополнительного протокола. Он подчеркнул, что теперь приобретение земли в Монголии станет возможным для российских подданных. В конце беседы Сазонов упомянул, что в Санкт-Петербурге ожидается делегация монгольских князей. Немецкий посланник внимательно прочел заключительные слова Сазонова: «Однако с этими «господами» политика не обсуждается. Только подарки и сладости»²⁹.

Германии было трудно занять позицию по «монгольскому вопросу», несмотря на свои незначительные экономические интересы в Монголии. Хотя Россия заверила ее, что Русско-Монгольское соглашение не затронет германские экономические интересы (в этом отношении у Германии был неплохой опыт общения с Россией в Северной Маньчжурии), в МИД еще не могли четко определить, согласятся ли другие державы, вовлеченные в дела Китая, на вновь созданный статус-кво на неопределенный срок. В начале января 1913 г. посол Германии в Вашингтоне беседовал с госсекретарем Госдепартамента Ноксом. Последний дал ему понять, что никто не намерен заниматься этим вопросом за два месяца до выборов в США и «что, хотя Русско-Монгольское соглашение очень неприятно, с ним ничего нельзя поделать»³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ НЕМЕЦКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПО «МОНГОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ»

Процесс анализа и формирования мнения по «монгольскому вопросу» продолжался в немецком МИД до конца марта 1913 г. Затем статс-секретарь МИД сообщил германскому посланнику в Пекине, что в Монголии «имеются, в конце концов, жизнеспособные начала для деятельности германской торговли, которые делают нежелательным, чтобы «принцип открытых дверей» был нарушен специальными усилиями России в этой области»³¹.

Германия по торговому договору с Китаем от 2 сентября 1861 г. имела такие же права в Монголии, как и Россия по Петербургскому договору 1881 г. Этим возможностям будет положен конец, «если Китай решит признать независимость Монголии и согласится на особые права России, изложенные в протоколе от 3 ноября прошлого года»³². Государственный секретарь заявил: «Для того, чтобы наши экономические интересы в Монголии могли продолжать развиваться в будущем, нам кажется желательным иметь отношения в рамках конституционного права между Монголией и Китаем, которые гарантируют сохранение существующих положений

²⁷ Nr. 11996, Der Geschäftsträger in Petersburg Freiherr von Lucius an den Reichkanzler von Bethmann Hollweg, 25. Dezember 1912, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 432.

²⁸ Там же, с. 433.

²⁹ Там же.

³⁰ Nr. 11997, Der Botschafter in Washington Graf von Bernstorff an den Reichkanzler von Bethmann Hollweg, 2. Januar 1913, Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, 32, 1926, с. 434.

³¹ Nr. 12001, Der Staatssekretär des Auswärtigen Amtes von Jagow an den Gesandten in Peking von Haxthausen, 24. März 1913.

³² Там же, с. 438.

Германо-Китайского договора для Монголии в будущем»³³. С этой целью было бы целесообразно соответствующим образом поощрить китайское правительство в его прежнем сопротивлении признанию Российско-Монгольского договора и предложить ему открыть Монголию для международной торговли на основе Ургинского соглашения (имеется в виду Русско-Монгольское соглашение). Это не помешает Китаю учесть пожелания России путем некоторого ограничения своих военных действий и административной деятельности, а также путем замедления темпов колонизации, в частности, во Внешней Монголии»³⁴.

В это время Германия не согласилась на независимость Монголии, поскольку следование «принципу открытых дверей» было обусловлено сохранением государственного суверенитета и территориальной целостности Китая. Однако, похоже, она была готова поддержать ограничение военного потенциала Китая в действиях и административной деятельности, а также замедление китайской колонизации во Внешней Монголии. Это соответствовало основным положениям Русско-Монгольского соглашения об отношениях между Монголией и Китаем. По сравнению с интересами Германии и игрой великих держав это было отнюдь немало.

Становится ясно, почему Германия и другие великие державы не ответили на письма Богдо-гэгэна с просьбой о признании монгольской независимости. Вероятно, их позиции были схожи из-за признания «принципа открытых дверей». Эти позиции запрещали им признавать независимость Монголии, но не признавать автономию любого рода. Но именно это, тем не менее, заложило основу для последующего развития монголов как независимого государства, тем более что державы также должны были изменить свои взгляды. Через шесть лет после подписания Русско-Монгольского соглашения президент США Вудро Вильсон предложил, среди прочего, право народов на самоопределение в программе из 14 пунктов, составленной по итогам Первой мировой войны.

Будучи великой державой, Россия также имела привычку не переходить красные линии, согласованные державами того времени, о чем ясно свидетельствует текст Русско-Монгольского соглашения. Однако ее интересы были структурированы иначе, чем у других великих держав, из-за непосредственного соседства, исторической близости к монголам и упреждающей осторожности в отношении соседнего Китая на юге. Если безопасность на пространстве Большой Сибири должна была быть одним из вечных интересов России, то одним из путей ее достижения было создание и сохранение независимости монгольского национального государства. Ни одно государство, кроме России, не могло иметь такой интерес. Вероятно, это не изменилось и в настоящее время.

Литература / References

Русско-Китайские Отношения 1689–1916 Официальные Документы. М., 1958.

Хохлов, А. Н. Д. Покотилов. *Вопросы Истории.* 2011. № 5. С. 36–54.

Баркманн, Удо Б. 1911 онд Монгол улсын тусгаар тогтнолыг сэргээсэн явдалыг олон улсын эрх зүйн үүднээс авч үзэхүй. *Монголын Үндэсний Эрх Чөлөөний хувьсгал — Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл.* Улаанбаатар, 2011. С. 164–178 [Баркманн, Удо Б. Восстановление независимости Монголии в 1911 году с точки зрения международного права. *Национально-освободительная революция Монголии — Международная научная конференция.* Улаанбаатар, 2011. С. 164–178 (на монгольском языке)].

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Баркманн, Удо Б. Монгол улсын тусгаар тогтнолыг сэргээсэн үйл явцыг тухайн үед хүчин төгөлдөр үйлчилж байсан олон улсын сонгодог эрх зүй хийгээд олон улсын харилцааны үүднээс авч үзэхүй. *Монголын тусгаар тогтнол ба Монголчууд*. Улаанбаатар, 2012. С. 170–175 [Баркманн, Удо Б. Восстановление независимости Монголии с точки зрения классического международного права и международных отношений, действовавших в то время. *Монгольская независимость и Монголы*. Улаанбаатар, 2012. С. 170–175 (на монгольском языке)].

Баркманн, Удо Б. 1912 оны 10 дугаар сарын 21-ний Монгол-Оросын хэлэлцээрээс үүдэлтэй олон улсын эрх зүйн үйл явцын талаарх хэдэн үг. *Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 135–142 [Баркманн, Удо Б. Некоторые замечания о процессе международного права, вытекающем из монголо-российского соглашения от 21 октября 1912 года. *Монголо-русский договор 1912 г. и И. Я. Коростовец*. Улаанбаатар, 2013. С. 135–142 (на монгольском языке)].

Баркманн, Удо Б. 1911 оноос өмнөх болон хойшхи үеийн Монгол улсын дотоод, гадаад бүрэн эрхт байдлын асуудалд дайх үг. *1911 оны Монголын Үндэсний Хувьсгалын Түүхэн Ач Холбогдол*. Улаанбаатар, 2022. С. 110–123 [Баркманн, Удо Б. Заметки о вопросах внутреннего и внешнего суверенитета Монголии до и после 1911 года. *Историческое значение Национальной революции 1911 года*. Улаанбаатар, 2022. С. 110–123 (на монгольском языке)].

Barkmann, Udo B., Zur Geschichte des russisch-mongolischen Abkommens von 1912. *Asien, Afrika, Lateinamerika*. 1990, 4. S. 620–628 [Баркманн, Удо Б., Об истории российско-монгольского соглашения 1912 г. *Азия, Африка, Латинская Америка*. 1990, 4. С. 620–628 (in German)].

Barkmann, Udo B. *Geschichte der Mongolei oder Die «Mongolische Frage»*. Die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat. Bonn, 1999 [Баркманн, Удо Б. *История Монголии или «Монгольский вопрос»*. Монголы на пути к собственному национальному государству. Бонн, 1999 (in German)].

Bluntschli, J. C. *Das moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt*. Nördlingen, 1869 [Блунчли, Ё. Ка. *Современное международное право цивилизованных государств, представленное в виде юридической книги*. Нёрдлинген, 1869 (in German)].

v. Brandt, M. *Ostasiatische Fragen. China. Japan. Korea. Altes und Neues*. Berlin, 1897 [v. Брандт, М. *Проблемы Восточной Азии. Китай, Япония, Корея. Старое и Новое*. Берлин, 1897 (in German)].

v. Brandt, M. Das Kabinett Salisbury und die ostasiatische Frage (1895). v. Brandt, M. *Ostasiatische Fragen. China. Japan. Korea. Altes und Neues*. Berlin, 1897 [v. Брандт, М. Кабинет Солсбери и «восточноазиатский вопрос» (1895), v. Брандт, М. *Вопросы Восточной Азии. Китай, Япония, Корея. Старое и Новое*. Берлин, 1897 (in German)].

Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911–1914, Aus den Geheimakten der Russischen Staatsarchive. Im Auftrage des Deutschen Auswärtiges Amtes in deutscher Übertragung herausgegeben von Friedrich Stieve. Band I. Berlin, 1924 [Дипломатическая переписка Исвольского 1911–1914 гг. из секретных файлов Российского государственного архива. Отредактировано от имени Министерства иностранных дел Германии в немецком переводе Фридриха Штieve. Том I. Берлин, 1924 (in German)].

Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914, Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 32, Die Mächte und Ostasien 1909–1914. Berlin, 1926 [Большая политика европейских кабинетов 1871–1914. Сборник дипломатических досье Министерства иностранных дел. Том 32, Державы и Восточная Азия 1909–1914. Берлин, 1926 (in German)].

Franke, O. *Die Großmächte in Ostasien von 1894 bis 1914. Ein Beitrag zur Vorgeschichte eines Krieges*, Braunschweig und Hamburg, 1923 [Франке, О. *Великие державы в Восточной Азии с 1894 до 1914 г. Вклад в предысторию войны*. Брауншвейг и Гамбург, 1923 (in German)].

Great Britain. Foreign and Commonwealth Office, British and Foreign States Papers, 1906–1907. P. 558–559.

Götting D. «Etzel» Forscher, Abenteurer und Agent, Die Lebensgeschichte des Mongoleiforschers Hermann Consten (1878–1957). Berlin, 2012 [Геттинг, Д. «Этцель» Исследователь, авантюрист и агент, история жизни монгольского исследователя Германа Констан (1878–1957). Берлин, 2012 (in German)].

Hobe S., Kimminich O. *Einführung in das Völkerrecht*. Tübingen und Basel, 2004 [Хобе, С., Кимминих, О. *Введение в международное право*. Тюбинген и Базель, 2004 (in German)].

Kissinger, H. *Weltordnung*, München, 2014 [Киссинджер, Г. *Мировой порядок*, Мюнхен, 2014 (in German)].

Krause, F. E. A. *Geschichte Ostasiens*. 2. Teil, Göttingen, 1925 [Краузе, Ф. Э. А. *История Восточной Азии*. Геттинген, 1925 (in German)].

Schröder, S. «Ausgedehnte Spionage» Benno von Sieberts geheime Zusammenarbeit mit dem Auswärtigen Amt (1909–1926). *Militärgeschichtliche Zeitschrift MGZ*. 2005, 64. P. 425–463 [Шрёдер, С. «Обширный шпионаж». Тайное сотрудничество Бенно фон Зиберта с Министерством иностранных дел (1909–1926). *Военно-Исторический Журнал*. 2005, 64. С. 425–463 (in German)].

v. Siebert, B. *Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre*. Band I. Berlin und Leipzig, 1921 [v. Зиберт, Б. *Дипломатические документы по истории политики Антанты в предвоенные годы*. Том I. Берлин и Лейпциг, 1921 (in German)].

Wheaton, H. *Elements of International Law*. Philadelphia, 1836.

Электронные ресурсы / Electronic sources

А. Н. Хохлов, Российский дипломат И. Я. Коростовец и его роль в подготовке Цицикарского протокола 1911 г., in www.synologia.ru (дата обращения: 12.12.2022).

<https://courses.knox.edu/hist245/opendoortext.html> (дата обращения: 12.12.2022).

in <https://www.britannica.com/event/Open-Door-Policy> (дата обращения: 12.12.2022).